

Густав Шпет

Явление и смысл

**Феноменология как основная
наука и ее проблемы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г96

Г96 **Густав Шпет**
Явление и смысл: Феноменология как основная наука и ее проблемы / Густав Шпет – М.: Книга по Требованию, 2014. – 227 с.

ISBN 978-5-458-54660-7

ISBN 978-5-458-54660-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	
Мѣсто введенія.	
Идея основной науки . .	I
Явленіе и смыслъ.	
Вступленіе .	II
I. Интуиція опытная и идеальная	17
II. Чистое сознаніе	37
III. Феноменологическая редукція .	62
IV. Къ вопросу о методѣ .	88
V. Предметъ, положеніе, понятіе	124
VI. Явленіе и дѣйствительность	156
VII. Смыслъ и уразумѣніе	184
Заключеніе .	215

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первоначально у автора была цѣль ознакомить русскаго читателя съ идеями феноменологіи Гусерля. Но уже съ самаго начала его неотступно преслѣдовала музыка Вагнера,—все время онъ слышалъ „Тангейзера“. Однако, и теперь Гусерль выдѣленъ всюду специальными указаніями и ссылками.

Поворотъ въ философіи, созданный Гусерлемъ, остается очевиднымъ. Но едва ли удовлетворительны въ смыслѣ ясности соблазны, преслѣдовавшіе автора,—иначе ихъ и не было бы. Однако, и остается на первомъ планѣ феноменологія.

Москва, 15 мая 1914 г.

ВМѢСТО ВВЕДЕНИЯ.

Идея основной науки ¹⁾.

Мм. Гг.!

Здѣсь, въ моментъ, когда наука и философія объединяются для одного общаго дѣла, мнѣ показалось умѣстнымъ обратить Ваше вниманіе на *идею* того основанія, которое могло бы быть почвой для нашей общей работы. Я говорю только объ *идеѣ* основной науки, а не о ней самой, такъ какъ она все еще находится въ процессѣ конституирования, становленія.

Извѣстно, что терминъ *философія* примѣняется въ двухъ разныхъ по объему значеніяхъ: имъ обозначаютъ *все* наше знаніе или только нѣкоторое *специфическое* опредѣленное знаніе. Первое пониманіе было свойственно преимущественно античному міру, второе — современному. И второе происходитъ изъ перваго черезъ его ограниченіе въ отождествленіи философіи съ *метафизикой*. Это случайное наименованіе: *Μετά τὰ φυσικά*, однако, имѣетъ свое строго опредѣленное содержаніе, — это, прежде всего, область принциповъ, началъ, исходныхъ пунктовъ, основаній. Когда вскрывается, такимъ образомъ, дѣйствительное содержа-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная авторомъ при открытіи Московскаго Общества по изученію научно-философскихъ вопросовъ 1914 года 26 января. Записана по памяти и значительно спустя послѣ произнесенія. Авторъ настаиваетъ только на тождествѣ и порядкѣ мыслей.

ніе філософіи, мы видимъ, что на немъ об'єдиняется и древній міръ и нашъ во всѣхъ своихъ многообразныхъ направленьяхъ и теченьяхъ.

Только своеобразіе философскаго метода, вытекающее изъ сущности самой философіи, вѣчное въ ней *да и нѣтъ*, вѣчный діалогъ, часто переходящій въ сложную драму съ многими дѣйствующими лицами, мѣшаетъ иногда разглядѣть въ исторіи философской мысли ея единство, преемственность, философскую традицію. Между тѣмъ именно въ исканіи *основъ* она всегда была и остается. Научные взгляды, какъ и всякое міропониманіе вообще, *должны* опираться на философскій фундаментъ, ибо нѣтъ иного знанія объ основаніяхъ. Такъ было въ античномъ мірѣ, такова была роль философіи, когда она какъ *ancilla* держала на себѣ порядокъ и блюла чистоту парадныхъ покоевъ теологій, такъ осталось и въ новое время. Идея *Mathesis universalis* XVII вѣка, границы познанія Локка, географія ума Юма, Трансцендентальная философія, Наукоученіе, Основныя начала Спенсера и т. д., и т. д., — все это, невзирая на различіе содержаній, образцы и примѣры попытокъ осуществленія *одной философской* идеи.

Подойдемъ съ другой стороны къ опредѣленіямъ міропониманія, и мы встрѣтимъ его характеристики: математическое, механическое, біологическое, историческое, соціологическое и т. п. Что же? — Безуспѣшная принципиально, безнадежная и *узкая* попытка узурпаціи философскихъ правъ, — прежде всего *узкая*, потому что здѣсь каждый изъ *своего угла*, даже закоулка, тщится по близкому для него образцу охватить *все*, истолковать цѣлое по части, понять вселенную по образу мыслей и чувствъ своей области, своей провинціи. По истинѣ *провинціальныя* міровоззрѣнія! Но безпокойный духъ философскаго творчества витаетъ и надъ этими созданіями человѣческаго ума, въ нихъ

обнаруживается, какъ собственное ему стремленіе, какъ его идея!..

Но отчего же сама философія не дала философскаго *общаго* взгляда на міръ, не указала *единого* основанія? Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе причины этого, но вотъ фактъ: *наше время* создало и формулировало это, какъ свою задачу, оно *доросло* до нея, и мы, наконецъ, подошли къ моменту, когда уже „нащупывается“ идея основанія, о которой у насъ идетъ рѣчь. Мы можемъ, по крайней мѣрѣ, намѣтить тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять философія, какъ „основная наука“.

Мы ищемъ въ ней началъ, основаній, истоковъ, и хотимъ, чтобы это были *последнія* основанія, чтобы это были *абсолютныя* начала! Всякое знаніе должно покоиться уже на этихъ началахъ и это знаніе есть прежде всего знаніе *научное*. Научное знаніе мы беремъ, какъ знаніе *теоретическое*, т.-е. объяснительное, устанавливающее законы, и въ этомъ смыслѣ всегда обусловленное, гипотетическое, относительное и эмпирическое. Конечно, и знаніе началъ также можно назвать теоретическимъ знаніемъ, мало того, мы его назовемъ *чистымъ* теоретическимъ, однако, въ иномъ смыслѣ, чѣмъ знаніе выводное и обоснованное. Оно чистое теоретическое знаніе только потому, что въ немъ нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было „практическихъ“ санкцій и утвержденій, но оно *не* теоретично въ томъ смыслѣ, что оно свободно отъ какихъ бы то ни было „доказательствъ“, „обоснованій“, и „построеній“. Будучи не теоретическимъ, оно принципиально автономно и свободно отъ „практическихъ приматовъ“, тогда какъ научное теоретическое знаніе неизбежно *прагматично*. Истина современнаго прагматизма не въ томъ, что такъ *должно* быть, а въ томъ, что такъ *есть*: научное знаніе по существу есть знаніе прагматическое и даже

техническое, знаніе *pour agir*! Свободное, чистое, абсолютное философское знаніе *началъ*, должно быть, поэтому, чистымъ, абсолютнымъ, свободнымъ отъ всякой теоріи, въ нѣдрахъ своихъ таящей червь прагматизма, и такъ какъ это знаніе именно *началъ*, то оно должно быть знаніемъ *до-теоретическимъ*. Таково первое и главное требованіе, какое мы предъявляемъ къ основному философскому знанію.

Но откуда же оно почерпается, гдѣ его „источникъ“? До-теоретическому знанію науки, *до-научному* знанію, мы противопоставляемъ знаніе *обыденное*. Не отсюда ли почерпаются и философскія начала? Если угодно, да! Ибо это есть знаніе жизненное, почерпнутое *изъ цѣлаго*, еще не ограниченного ни рамками теорій, ни предписаніями разсудочнаго раздробленія. Не-философскій успѣхъ философіи Бергсона — знакъ, что мы подошли къ новому роднику, или, вѣрнѣе, раскапываемъ старый, заваленный въ вѣкахъ мусоромъ, родникъ живого знанія. Однако, родникъ долженъ быть не только открытъ, но онъ долженъ быть также *чистъ*, — вѣдь обыденныя теоріи и дѣянія не менѣе теоріи и дѣянія, чѣмъ научныя! Бергсонъ сокрушаетъ старые кумиры, — и тутъ уже находитъ свое удовлетвореніе давно назрѣвшая потребность. Но нужно и другое, недостатокъ чего у Бергсона и далъ мнѣ поводъ квалифицировать его успѣхъ, какъ *не-философскій*: *ΔΟΣ ΜΟΙ ΠΟΥ ΣΤΩ!..*

Итакъ, ограниченности интеллектуальнаго противостоитъ безпорядокъ интуитивнаго, условной незыблемости понятій — безусловная случайность потока жизни. Но всмотритесь въ эту безусловную и безудержную случайность, и Вы увидите, что все ея безпокойство отъ того, что она требуетъ, ищетъ себѣ господина, какъ тѣнь она преслѣдуетъ его: безусловную необходимость! Мѣняющееся, преходящее, текущее, всѣми

своими разнообразными голосами призываетъ насъ признать его собственную необходимость *быть такимъ*, — и этого одного довольно, чтобы попытаться проникнуть взоромъ *сквозь* него и увидѣть тамъ ту сущность, что составляетъ и его собственную необходимую основу, исходъ, принципъ и начало. Черезъ переходящее бытіе чувственного взора проникаемъ мы умственнымъ окомъ къ бытію же, но вѣчному и непреходящему, бытію идеальному!

Но не правъ ли Бергсонъ, что тутъ какъ разъ и ускользаетъ отъ насъ жизнь и движеніе? Не правъ ли онъ, что нашему умственному взору присуща гипнотизирующая и мертвящая сила глазъ ядовитой змѣи, приковывающая свою жертву къ мѣсту и лишаящая ее способности движенія и борьбы? Но на это я спрошу: какъ же проникаетъ этотъ зачаровывающій взоръ къ жизненности и полнотѣ собственного философскаго безпокойства и пафоса Бергсона? Подлинно ли мы глазомъ *только* видимъ и умомъ *только* охватываемъ, душимъ и убиваемъ въ своихъ объятіяхъ, глухіе какъ къ стонамъ и проклятіямъ, такъ и къ радости? Но если мы не только видимъ и охватываемъ, но и *разумѣемъ* видимое и охватываемое, то надо же въ положительномъ словѣ о философіи къ чувственности и разсудку привлечь къ участію также *разумъ*. Или современную философію *разумъ* тѣшитъ только иллюзіями и кажущимся?

Для раскрытія моей мысли я прибѣгну къ поясненію, котораго методологическая небезупречность для меня ясна, но прошу имѣть въ виду, что я не анализирую, а иллюстрирую. Я возьму одинъ опредѣленный видъ и форму бытія: бытіе *соціальное*. Какъ къ нему прійти? За оболочкой словъ и логическихъ выраженій, закрывающихъ намъ *предметный* смыслъ, мы снимаемъ другой покровъ объективированнаго знака, и

только тамъ улавливаемъ нѣкоторую подлинную интимность и въ ней полноту бытія. И вотъ оказывается, что мы—не заключенные одиночныхъ тюремъ, какъ увѣряли насъ еще недавно (Зигвартъ), а въ *непосредственномъ* единеніи *уразумѣнія* мы открываемъ подлинное единство смысла и конкретную цѣлостность, проявившагося въ знакѣ, какъ предметѣ.

Это—правда, что ни чувственный опытъ, ни разсудокъ, ни опытъ въ оковахъ разсудка, намъ жизненнаго и полного *не даютъ*. Но сквозь пестроту чувственной данности, сквозь порядокъ интеллектуальной интуиціи, пробиваемся мы къ живой душѣ всего сущаго, ухватывая ее въ своеобразной,—позволю себѣ назвать это — *интеллектуальной* — интуиціи, обнажающей не только слова и понятія, но самыя вещи, и дающей *уразумѣть* подлинное въ его подлинности, цѣльное въ его цѣльности, и полное въ его полнотѣ.

Такимъ представляется мнѣ путь основной философской науки, удовлетворяющей основному требованію, выставленному нами, сообразно намѣчающейся идеѣ ея. Она должна быть не только *до - теоретической* и *чистой* по своей задачѣ, но также *полной* и *конкретной* по выполненію ея, и *разумной* по своему пути.

Необходимость такого основанія живо чувствуется всѣми, прежде всего, для самой философіи, низвергшей столько кумировъ, перемѣнившей столько вѣръ. Но не менѣе необходимо оно для науки, гдѣ математизмъ смѣняется механизмомъ, механизмъ—біологизмомъ и т. д. и т. д., гдѣ путаются предѣлы и грани, гдѣ также для каждаго назрѣваетъ потребность знать, наконецъ, свое мѣсто. Да и не только мѣсто, но самую почву, на которой ведется работа. Математикъ докапывается до *своего грунта* и въ результатѣ блестящихъ открытій и рѣшенія сложнѣйшихъ задачъ стоитъ въ недоумѣніи передъ собственной основой, также физикъ,